

*Вера Савченко***ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ ВИЗУАЛЬНОЙ
АНТРОПОЛОГИИ**

Аналізуються методологічні ресурси візуальної антропології з точки зору взаємодії цієї міждисциплінарної наукової галузі зі сферою художньої творчості. Розглядаються проблемні аспекти мистецтва як об'єкта, предмета і методологічної складової візуальної антропології.

Ключові слова: візуальна антропологія, мистецтво, візуальна культура
Анализируются методологические ресурсы визуальной антропологии с точки зрения взаимодействия этой междисциплинарной научной области со сферой художественного творчества. Рассматриваются проблемные аспекты искусства как объекта, предмета, методологической составляющей визуальной антропологии.

Ключевые слова: визуальная антропология, искусство, визуальная культура.

The methodological possibilities of visual anthropology in the interdependence with the sphere of art are analyzed in this article. Art can be explored as an object, a subject and a methodological component of visual anthropology.

Key words: visual anthropology, art, visual culture.

Визуальная антропология (ВА) – довольно молодая отрасль междисциплинарных исследований, возникшая на постсоветском пространстве около трех десятилетий тому назад. Процессы становления этой гуманитарной области являются показательными с точки зрения поиска и выработки научного языка, отвечающего реалиям сегодняшней изменяющейся культуры. Одним из важнейших потенциальных направлений разработки новых методологических подходов является обращение к сфере искусства. Осмысление феномена искусства в контексте самоопределения ВА является актуальной задачей и для понимания достижений собственно ВА, и для углубления представлений о новых возможностях гуманитарного знания.

ВА активно развивается в практическом плане, теоретических обобщений в этой области пока немного и, как правило, они суммируют опыт одного из направлений в сфере ВА. Общий взгляд на различные школы и тенденции в ВА, существующие на постсоветском пространстве, в ракурсе взаимодействия со сферой искусства предпринимается впервые. Цель данного исследования – выделение и систематизация проблемных узлов ВА, обусловленных ее тесным взаимодействием со сферой художественного творчества.

Область ВА сегодня переживает период становления – широко проводятся практические исследования, постепенно появляются теоретические обобщения накопленного опыта. В европейской, англо-американской науке, на постсоветском пространстве работают школы и центры ВА, самые известные из них в ближнем зарубежье – в Москве, Екатеринбурге, Саратове, Минске, Вильнюсе, Новосибирске, Перми. Проводятся конференции, фестивали, семинары, мастер-классы, издаются сборники, появляется обширная информация на сайтах, написано немало интересных исследований, среди них несколько монографий. Однако работ, систематизирующих опыт, накопленный сегодня в разных направлениях ВА, практически пока нет. Данная статья является частичной попыткой восполнения такого рода анализа, а именно – рассмотрения исследовательского диапазона ВА (на постсоветском пространстве) в аспекте взаимосвязей с искусством, определяемых его художественной спецификой, общекультурным и социальным значением.

Существующее (и тем более потенциальное) поле исследований ВА весьма разнообразно. Между различными школами ВА постоянно происходят дискуссии о том, что может быть предметом изучения ВА, какие методы для этого должны быть использованы и т. д. Эти спорные моменты данной междисциплинарной области нередко так или иначе концентрируются вокруг феномена искусства, понимания его природы, своеобразия и многофункциональности.

Очень часто ВА рассматривают как часть культурной антропологии (КА). Действительно, для этого есть серьезные основания. Изначально ВА (как специфический подход) возникла именно в рамках КА, фактически как один из методов (точнее методик) последней. Поскольку при полевом изучении культур, что является весьма распространенным в КА, стали применять камеру. Впоследствии специфика этого «органа» заставила задуматься о принципиальном своеобразии предмета и результата исследования и, соответственно, выделить особую сферу – ВА.

Фактически, сегодня в рамках ВА активно действуют два направления, которые можно охарактеризовать как этнологическое/этнографическое и социологическое. В первом случае в задачи ВА входит «изучение аудиовизуального наследия мировой и отечественной этнографии, фиксация современной жизни народов, исследование визуальных форм культур и создание аудиовизуальных архивов» [3]. В этой области активно представлены работы Российской ассоциации ВА, в состав которой входят Центр ВА Новосибирского государственного университета, Лаборатория аудиовизуальной антропологии Института этнологии и антропологии им.

Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Этнографическое бюро (Екатеринбург–Тобольск), а также исследователи Московского государственного университета, Пермского государственного университета и других вузов и научных учреждений России.

Второй из названных доминионов ВА определяют в ключе социальной антропологии и социологии феноменологического направления. Эти исследователи, обращаясь к трудам Р. Барта, С. Зонтаг, Л. Рагг, М. Маклюэна, О. Аронсона и многих других современных мыслителей и ученых, предлагают интерпретацию визуальности в формах истолкования «микроконтекстов повседневной жизни», способов производства и реализаций скрытых за визуальными образами идеологий. Такие исследования осуществляются в Российском государственном гуманитарном университете, Европейском гуманитарном университете (Минск–Вильнюс), Институте социологии РАН, Удмуртском государственном университете, Саратовском государственном университете. Причем с деятельностью последнего из названных научных центров прежде всего связано проведение конференций, школ, выпуск публикаций, аккумулирующих усилия исследователей этого направления на постсоветском пространстве [4; 3].

В связи с этим, исходя не столько из современного фактического наполнения данной области исследования, а скорее из логики, задаваемой определением ВА, полагаю оправданным и целесообразным расширение данной сферы в аспекте теоретического осмысления проблем визуальности как некой антропологической универсалии человеческого бытия, в ее исторических модификациях и феноменологическом разнообразии. То, чем сегодня наполнена ВА, относится во многом к полевым исследованиям, конкретной практике изучения культур, и визуальности в частности. Однако, представляется, что относительно недавно позиционированный дискурс о визуальности как таковой, тем не менее, имеет глубокие корни. При всей специфике современного статуса визуального в нашей культуре, односторонне было бы говорить о нем лишь в плоскости сегодняшнего дня. «Зрение», «изображение», «видимое» – феномены и понятия, имеющие колоссальное историческое прошлое. Поэтому более справедливой мне кажется точка зрения, включающая в сферу визуальной культуры не только современность (или лишь некоторые ее доминионы, например, «экранные искусства», как это иногда предлагается), но и весь огромный период человеческой истории, связанный с визуальным восприятием и обусловленный им. Иными словами, я думаю, что в корпус исследований ВА следует включить уже существующие разработки философии культуры и философской

антропологии, коррелирующие с проблемами визуального, а также развивать направления изучения визуальности с позиций эстетики, семиотики, причем, не фокусируясь лишь на новейших формах визуальной репрезентации, но пытаясь понять этот феномен с точки зрения его исторической преемственности и антропологической универсальности. Вполне вероятно, что такая идея уже высказывалась, поскольку ее озвучивание логично вытекает из создавшейся реальной ситуации. Сегодня существует, как минимум, немалый корпус представленных в науке текстов, затрагивающих проблемы визуальности в весьма широком диапазоне и разнообразных ракурсах, но при этом объединяемых интенцией теоретико-философского осмысления феномена визуальности как культурно-исторической и/или антропологической универсалии. В связи с таким пониманием ВА не будет лишним сослаться на мнение ведущего американского специалиста в данной области – Джея Руби, который, делая обзор особенностей изучения этой сферы, отмечал, что сегодня «недостает антропологии визуальной или изобразительной (visual or pictorial) коммуникации» [6, с. 1345]. Он считает, сфера ВА могла бы быть концептуально и теоретически достаточно мощной, но пока на практике «доминирует, прежде всего, интерес к изобразительным медиа как средствам сообщения антропологического знания, то есть этнографическим фильмам и фотографиям, и во вторую очередь ставится вопрос об изучении изобразительных манифестаций культуры» [6, с. 1345].

Для раскрытия обозначенной темы статьи назовем и проанализируем круг наиболее существенных вопросов, ее непосредственно позиционирующих и развивающих.

1) Что входит в объект и предмет исследования ВА? Каково здесь место искусства?

2) Какие виды искусства считаются наиболее репрезентативными для ВА? Устанавливается ли между ними определенная иерархия исследовательских предпочтений?

3) Каковы основные функции искусства, с точки зрения ВА?

4) Какова роль и статус искусства в структуре исследования ВА?

1) Согласно существующим определениям, объект ВА в целом един. «Визуальная антропология обнимает все зрительно актуальные области и средства трансляции культуры, включая рисунок, фотографию, музейную экспозицию, театр, медиакомпозицию» (А. Головнев) [5]. Теоретически все специалисты разделяют эту точку зрения, но фактически даже на уровне объекта исследования в двух направлениях ВА наблюдаются заметные различия. Ученые, работающие в рамках

этнографической традиции, тяготеют к изучению «экзотического» – исчезающих культур прошлого, исключительных на общем фоне традиций, обрядов, ритуалов. «Социологи» обращены преимущественно к настоящему, причем в основном к типичным, распространенным, массовым формам культуры, к тому, что сегодня фиксируется понятием «повседневность».

Предмет изучения задается во многом научным инструментарием, с помощью которого «препарируется» выбранный объект. Различные теоретические установки вносят различия не только на уровне направлений, но и внутри них, выделяя и характеризуя специфику существующих школ и подходов. Внутри обоих направлений особенности исследования могут быть продиктованы выбором тех или иных объектов в довольно широком диапазоне артефактов, а также обращением к разнообразным теориям, задающим поливариативность анализа. Однако можно заметить, что «этнографические» исследования в теоретическом плане намного менее дифференцированы, нежели «социологические», о некоторых подробностях этих делений речь пойдет дальше. Сейчас же определимся в отношении объекта и предмета в этих направлениях в аспекте взаимосвязи со сферой художественного творчества.

В первом из названных направлений, историко-этнографическом, очевидно, что искусство часто является непосредственным материалом для изучения: в частности, в обрядах и празднествах это элементы танца, декоративного оформления костюмов и атрибутов, формы народно-прикладного творчества и т. д. Такая репрезентация искусства в рамках исследований ВА в большинстве случаев выполняет наглядно-практическую функцию, расширяет горизонты наших представлений о существующем разнообразии форм культуры, являет собой, прежде всего, материал фактографических наблюдений и в качестве таковых обычно и осмысливается.

В то же время внутри этого «этнографического» направления в связи с искусством был затронут и определен в качестве одного из принципиальных вопросов о специфике исследования ВА. Здесь об искусстве (а именно, о кино) идет речь уже не как о предмете изучения, а скорее как о существенной составляющей метода (детальнее об этом будем говорить в связи с четвертым вопросом).

Для сторонников «социологического» направления искусство оказывается, по сути, рядоположенным с другими формами культуры как источник информации об обществе. Эта позиция, сложившаяся в ВА, в целом не нова для социологов. Однако необходимо отметить, что именно в контексте «визуальных исследований» прозвучал вопрос о пересмотре

границ понятия искусства. Во-первых, акцентирована ситуация, когда объекты, ранее не вписывавшиеся в жанрово-видовую иерархию искусства, сегодня туда включаются, исходя из наличия художественности в самих этих артефактах и осознания исторической относительности эстетики, формулирующей свои дефиниции и членения. Во-вторых, в рамках этих исследований реализуется нетрадиционное осмысление функций и статуса новейших форм художественного творчества, осознание их в качестве неадекватных классическим представлениям об искусстве, и как следствие из этого утверждается равноправие не-искусства, наряду с искусством, в качестве объекта изучения визуальной культуры [7].

2) Перейдем к вопросу о видах искусства, к которым обращается, с какими сталкивается в своей деятельности ВА. Уже говорилось, что эта междисциплинарная область охватывает и изобразительные искусства (эскизы-зарисовки), и театральную, и музейную постановки-композиции, и любые средства трансляции, использующие визуальные каналы. Однако, для «этнографов» безусловное предпочтение отдается, прежде всего, кино- и видеоискусству. Нередко кино оказывается «альфой и омегой» их деятельности. Поскольку с него все начинается: наиболее адекватной формой фиксации культурных феноменов с учетом их процессуальной составляющей является запись с помощью кино- или видеокамеры. В связи с этим понимание особенностей искусства кино и видео является чрезвычайно важным в осуществлении деятельности визуального антрополога. (Не случайно, в летних школах, мастер-классах, программных курсах обучения по специализации «ВА» значительная часть занятий отводится изучению кино как особой формы искусства, с углубленным изучением деятельности оператора и режиссера – на уровне теоретических принципов и практических приемов.) При этом часто конечным пунктом деятельности является создание этнофильма. О характере и понимании сути этнофильма – разговор далее, поскольку здесь коренится большая часть дискуссионных моментов между теми визуальными антропологами, которые представляют этнографическое направление.

У «социологов» также значительно внимание к киноискусству, но здесь не менее активно вовлекается опыт фотографии, образно-пространственного освоения городской среды, медиа-средств, например, Интернет-источников. При этом, если «этнографы» тяготеют к документальному кино, то «социологи» главным образом ориентированы на художественные фильмы, видя в них яркие «отпечатки» породившей их эпохи. В этом направлении создание собственного видеофильма рассматривается лишь как обучающая задача, демонстрирующая

практическую способность аналитика «видеть» – вскрывать стоящие за зрительным рядом идеологические конструкты, понимать художественное своеобразие метафорической нагруженности представленного образа и т. д.

Прежде всего, «социологи» анализируют кинематограф, выясняя его особенности как своеобразного способа визуальной коммуникации. Причем, в этом направлении художественный фильм рассматривается в качестве ничуть не менее достоверного источника информации, нежели в случае документального кино [7]. Аргументируется это тем, что монтаж, определенные ракурсы и планы уже свидетельствуют об определенном «взгляде» и позиции, которые накладывают печать субъективации на снимаемый материал. М. Маклюен, один из идейных «столпов» визуальной социологии, однажды сказал: «Medium is a message», имея в виду, что средства сообщения – это уже сообщения, вне зависимости от их содержания. Эта мысль легла в основу многих разноплановых исследований ВА, и в том числе позволила увидеть относительность деления документальное/художественное кино по признаку объективности/субъективности подачи информации.

Важность вопроса о предпочтениях тех или иных видов художественного творчества становится особенно очевидной, когда речь об искусстве разворачивается в диахронической перспективе. А именно, теоретически «социологи» говорят о «равноправии» и принципиальной «равнозначности» всех визуально-изобразительных видов искусства в исследованиях ВА, например, живописи и кино. Как традиционные, так и новые формы искусства могут и должны быть предметом «визуальных исследований». Однако на практике приоритет изучения кино несомненно не только в количественном, но и в качественном отношении. Так происходит потому, что рассмотрение с этих методологических позиций классических форм искусства, таких, как упомянутая выше живопись, оказывается менее убедительным, нежели анализ кино. Причина этого видится в том, что социальные теории, лежащие в основе «визуальных исследований» связаны по времени и по сути с нашей эпохой, а традиционные формы, часто зарождавшиеся в весьма отдаленные исторические периоды, демонстрируют свою несогласованность с «исторически заостренными» теоретическими проекциями, направленными на них из другого времени. В этой связи интересны размышления В. Беньямина, настаивавшего на принципиальном различии новых и традиционных форм искусства и, к слову, противопоставлявшего живопись и кино [2].

3) Переходя к проблеме функций искусства, существенных для исследований ВА, остановимся собственно на киноискусстве, поскольку именно об этом виде художественного творчества больше всего думают и дискутируют ученые данной области.

Пожалуй, в определении важнейших функций киноискусства сходятся представители обоих направлений. Одна из них видится в фиксации существующей культуры, которая запечатлевается на пленке и несет в себе «слепок» прошедшего. Вторая связана с направленностью в настоящее и будущее, она заключается в проектировании, конституировании и конструировании образов, в конечном итоге способных «выйти за границы экрана» – из области воображаемого перейти в сферу реальности. Первая заключается в запечатлении «жизни», существующих устойчивых культурных стереотипов, ценностных установок и т. д. Вторая функция кино проявляется в его воздействии на социальную действительность, «в режиссуре жизни». «Кино сыграло и продолжает играть ключевую роль в генерировании и трансляции идей и ценностей, создании «нового человека» и нациестроительстве» [5].

4) Последний из вопросов, которые были обозначены как ключевые в рассмотрении места искусства в ВА, касается собственно исследовательского подхода, его специфического своеобразия. В данном случае проблему акцентирует А. Головнев, который говорит о ВА как о киноисследовании, где наука и искусство встречаются и действуют совместно. Киноисследование, каким является ВА в своей практической реализации – это создание фильма, в котором режиссер и ученый соединены в одно целое и каждый из них влияет на другого, внося необходимые коррективы в процесс рождения фильма.

Целостные аудиовизуальные репрезентации культур, фиксируемые камерой, противопоставляются в этом случае редуцированным словесным представлениям-описаниям или «стоп-кадрам» фотографий. Головнев говорит о «летучем визуальном эфире», который невозможно адекватно уловить «скрипучими словами». По своему характеру и природе аудиовизуальная подача материала, несомненно, больше тяготеет к опыту искусства, нежели к научной логикоцентрированной рефлексии. В этой связи возникают дискуссии между школами, в частности Е. Александрова и А. Головнева, первая утверждает отношение к этнофильму, в первую очередь, как к научно-документальному источнику [1], а вторая ставит ударение на художественной составляющей киноисследования [5]. Головнев видит в фильме способность уловить динамику процессов, а для науки в лице ВА – возможность расширения исследовательского горизонта за счет синтезирования своих методов с возможностями искусства, в

частности, его образным аудиовизуальным освоением мира. И все же на уровне теоретического знания эти идеи А. Головнева звучат в большей степени как призыв, нежели обоснованный и аргументированный дискурс.

В данной статье рассмотрено широкое проблемное поле, возникающее в связи с анализом взаимоотношений молодой отрасли междисциплинарных научных исследований ВА и сферы искусства. Рассмотрение показало, что призма художественного творчества, сквозь проблемы которого просматривались существенные позиции ВА, способна давать продуктивную основу для осознания возможностей современного гуманитарного познания. В частности, каждая из анализируемых проблемных ситуаций заслуживает дальнейшего более глубокого и детального осмысления, как в русле ВА, так и в более широком методологическом контексте.

1. Александров Е. В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии.– М.: Пенаты, 2003.– Электронный ресурс, режим доступа: // <http://visant.etnos.ru>.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе.– М.: Алетейя, 1996.– Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.out-line.ru/ben.html>.
3. Васина-Григорьева Е. Визуальные исследования: летняя школа и конференция в Саратове // Антропологический форум № 6.–Электронный ресурс, режим доступа: anthropologie.kunstkamera.ru/.../06_12_vasina-grigorieva_k.pdf.
4. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина.– Саратов: Научная книга, 2006.– Электронный ресурс, режим доступа: // <http://knigi-variant.ru/?p=seecatalog&id=67>.
5. Головнев А. Киноантропология.– Электронный ресурс, режим доступа: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1341.doc>.
6. Руби Дж. Визуальная антропология (реферат подготовлен В. Л. Круткиным) // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина.– Саратов: Научная книга, 2006.–Электронный ресурс, режим доступа: <http://knigi-variant.ru/?p=seecatalog&id=67>.
7. Усманова А. Р. Визуальные исследования как исследовательская парадигма.– Электронный ресурс, режим доступа: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=212>.